

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВИКТОР ТЮРИН

**1924 ГОД
СТАРОВЕР**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 38

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Тюрин, Виктор Иванович

Т98 1924 год. Старовер : роман / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-157084-2

1924 год. НЭП. Герой, авантюрист в душе, попадает в тело молодого старовера. Под чужой маской ему придется пройти через многие испытания, встретиться с самыми разными людьми: чекистами, бандитами, обывателями, бывшими дворянами и ворами. Ему придется схватиться с лесными бандитами, поработать кладовщиком в лавке, перейти дорогу воровской шайке в поисках золотого клада. Несмотря на чужое ему время, герою хватит смелости и твердости характера, чтобы идти к намеченной цели наперекор событиям и людям, ставшим на его пути.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157084-2

© Виктор Тюрин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Это было то время, когда люди с великим усердием и ожесточением в сердце пролили человеческую кровь в борьбе за всемирное счастье, при этом совершенно не думая о тех, ради кого это делалось.

Исторические факты и события того времени взяты из литературных источников, персонажи и их приключения выдуманы вторым.

Пролог

Три дня я не ходился в сознании молодого человека, старик, который в пределах своих сил пытался выжить, умирая от раны, нанесенной зверем, от голода и холода. Какое могло произойти, просто не укладывалось в мое сознание, даже не до того было, чтобы к его мысли, эмоции и страдания, словно рикошетом били по мне, захлестывая мой разум незнакомыми образами, непонятными картинками из чужой жизни, нечеловеческими муками, которые перенес другой человек. Я не чувствовал всей полноты его страданий, так как не испытывал ни физической боли, ни голода, ни холода, не видел, как тот полз по холодной земле, дергаясь всем телом, словно червяк, цепляясь окровавленными, расплывшимися пальцами за землю. Временами человек замирал, ныряя в очередное забытие, и только в эти моменты мне удавалось становиться с ним собой.

Перебирая все возможные варианты происходящего, не забыв и галлюцинаций больного мозга, я постепенно понял, что передо мной происходит жизнь другого человека, причем в другом, чужом для меня времени. Придя к такому выводу, решил, что нужно отделиться от своего человека и его времени, чтобы понять, в чем заключается цель непонятного для меня эксперимента.

Глава 1

Во второй половине дня к станции на дрезине подъезжали два человека. Рельсы под колесами дрезины стучали и стыхали, при этом он сильно скрипел, словно жался, но люди, не обращая внимания на звуки, упорно работали рычагом, гоня железную тележку все дальше. Василий Севостьянович, плечистый мужчина лет сорока пяти, время от времени бросивший взгляды по сторонам, вдруг резко вскинул голову.

— Вонк, глянь! Н вроде человек.

— Где?! Где, дядк Василий? — вслед за ним повернул голову в ту же сторону парень лет восемнадцати.

— Д вон там! У кромки лес!

— Вижу! Ползет! Кто он? Мож, беглый?

— Для нас он человек, дальше с ним пусть власти разбираются.

— Это правильно. Мы молчать и говорить...

— Тормози! Заберем его.

— Дядк Василий, за чем мы?! Давайте сообщим о нем станции...

— Тормози дрезину, чертов сын! Он сейчас с живой, через паручки и душу отдать может! Не след грех на душу брать!

Кроме только тело оклялось наметлической тележке, оба легли на рычаг.

— А смердит от него кк! Дядк Василий, глянь, одежда на нем вся сопрел. И рыновонкие кровяные! Что за зверь его так рвал? — никак не мог успокоиться Иван, племянник железнодорожника. — Все одно не могу понять: откуда он здесь взялся?

— Согласен. Непонятное дело, — согласился с ним железнодорожник, хмыкнув в густые усы. — Понятельному крестику выходит, что старовер. Только мне

не доводилось слыш ть, чтобы они из скит своего бе-
ж ли.

Двое суток я был почти без созн ния, л вируя между жизнью и смертью, лишь н короткое время приходя в себя, только теперь в моем бреде переплет лись к ртины моей жизни с отрывк ми из п мяти молодого ст ровер . Теперь я точно зн л, что он ушел, ост вив после себя обрывки п мяти. К к и когд это произошло, мне было неизвестно, просто не почувствов л з неистовым жел нием выжить во что бы то ни ст ло. Ощущение моего пробуждения к жизни было похожим н то, словно я выплыл из темной глубины, готовой меня поглотить, к свету. Если до этого об созн ния, переплетаясь, словно игр ли со мной, мельтеш обр з ми и игр я к ртин ми из жизни, то теперь я ок з лся живым человеком в ре льном мире.

З деревянной оконной р мой с шелуш щейся белой кр ской только н чин лся р свет. В больничной п л те стоял полумр к, легкий ветерок, идущий из открытой форточки, з ст влял колых ться белую з н веску, з крив вшую вторую половину окн . Мет лическ я спинк кров ти. З н веск н окне. Потреск вшийся, д вно не беленый потолок. Венцом этой обветш лости и убогости ст л пл к т, н рисов нный в две кр ски, н котором кр снорожий мужик кр сным молотом р збив ет черного двугл вого орл , внизу н дпись: «Свергли могучей рукой». Он подтвердил и пост вил оконч тельно точку в моем созн нии, что я не только поп л в чужое тело, но и в другое время. Вот только одно дело — видеть мир через призму мироощущения молодого скитник , и совсем другое — видеть и чувствов ть с мому.

Вместе с болью излом нного тел меня пронзило острое чувство одиночеств . Двойной н пор с т кой силой уд рил по созн нию, что я не выдерж л и тихо выруг лся сквозь зубы, причем не столько от

боли, сколько от ощущения беспомощности. Больной, лежавший на соседней кровати и до этого тихо сопевший, услышав это, вдруг резко замолк, потом с шумом повернулся на другой бок, всхрипнул и снова заснул. Прошло несколько минут, прежде чем я сумел взять себя в руки, с тем, чтобы отвлечься, стал прикидывать, к какой линии поведения надо избрать, чтобы не выбиться из образа молодого стровера.

Теперь мне надо было привести свое сознание и навыки в соответствие с моим нынешним положением. Я уже знал, что до семнадцати лет хозяин моего нынешнего теларос рос в лесу, причем, где именно, он и сам не имел ни малейшего понятия, так как география не входила в его обучение. Их учили читать, писать и считать. Он умел делать простейшие арифметические действия, учился читать по «Часовому», знал наизусть утренние и вечерние молитвы, все остальное его время занимали охота, рыбалка и работы по дому. Звали его Иваном Микишиным.

Жил бы он так и дальше, только в один из летних дней перед скитом появился конный отряд чекистов, присланный в скит из-за доноса, в котором говорилось, что местные строверы окликают помощь укрывшейся в лесу банды белогорцев под командованием бывшего царского поручика, которого не могли поймать уже четыре месяца. Об этом факте Микишин узнал много позже, уже во время допроса в ЧК.

Затри суток до появления конного отряда трое строверов отправились на охоту, вернувшись через три дня, не поверили своим глазам, глядя на уничтоженный скит. Иван был в их числе. Стоило молодому и горячему парню увидеть трупы близких ему людей, как он потерял голову. Кое-то время он кричал и плакал, потом его словно перемкнуло, жаждя мести опалил огнем его сердце и разум. Схватив охотничье ружье, он кинулся по следу убийц.

Несмотря на свои семнадцать лет, он уже был опытным охотником, охотником и следопытом, поэтому идти по следу большого отряда ему не составило труда. Никогда он чекистов не выходя из леса, вот только горе и мстить дали осечку в тот самый момент, когда он был готов нажать на спусковой крючок. Не смог Иван выстрелить, ни вверх, ни вниз, воспитание не позволили, зато у одного из чекистов руки не дрогнули. Молодой старовер был ранен, затем его перевязали и забрали с собой, через неделю он предстал перед пролетарским судом, который обвинил его в вооруженном покушении на сотрудников ЧК.

Ему дали четыре года тюрьмы и отпустили строить социализм. Полтора года, проведенных в заключении, пока жились молодому и невинному душой парню довой мукой, его попытки укрыться за верой мало чем помогли, и зато, что его не сломали, нужно благодарить вора-медвежатника, широко известного в уголовном мире. Тот медленно умирает, требуя постоянного присмотра, вот за ним и приставили ухаживать Микишин, спустя год он решился на побег, предложенный ему воришкой. У него была своя выгода. Молодой, сильный, глуповатый, знающий тактику парня, который при большой нужде мог сойти за «корову».

После четырех месяцев подготовки шесть заключенных совершили побег, спустя три месяца на опушку леса выполз только один человек. Не вовремя подвернулся ног, схватился с рысью, потеря крови — все это подорвало здоровье молодого человека, но не силу воли. Только благодаря сильному духу он сумел преодолеть последнюю пару километров и выйти к железной дороге.

Прокрутив в голове вехи своей новой биографии, я сделал печальный вывод, что с моим побегом и политической стезей местные власти вполне могут приставить к стенке. От той жизни у меня осталось знание

трех иностранных языков, вот тем же в отношении других школьных предметов мне похвастать было нечем. Мой скудный набор знаний об этом историческом периоде заключаясь в следующем перечне: Первая мировая война, революция семнадцатого года, НЭП, Ленин, Сталин, Троцкий и пятилетки.

«В дополнение к этому продовольственные карточки, ружья, лопаты... Нет, это не мое. Делать и думать нечего. Не доходить до ног и катиться в Европу», — подвел я окончательный итог своим размышлениям.

Три раза в прошлой жизни мне доводилось впасть в госпиталь, и вот теперь новую жизнь мне пришлось начать с больничной койки. Наверное, это плохой пример, или для моей ситуации он стандартен? Впрочем, что досталось, с тем и жить будем, решил я и неожиданно для себя уснул. Проснулся уже от громкого голоса санитарки, которую я выговорил больному изощренный пол.

— Матвей Лукич, это что?! Я тебя, старый хрен, спрашиваю! Я что, не нялся с тобой убираться?!

— Матвей Антонович, побойся бога! Мне что, теперь до ветру сбегать нельзя?

Открыл глаза и змурился. Яркое солнце, отражаясь в приоткрытом окне, забросило по всей полете множество солнечных зайчиков. Вместе с ощущениями тепла и свежести меня к кому-то разом хлынули различные запахи и звуки. Сначала достиг носом резкий запах хлорки, смешанный с запахом подгоревшей пищи и тучного дыма. Где-то за окном выдал трель какой-то птички. Вместе с ощущениями ко мне неожиданно пришло чувство чистой, почти детской радости, как у взрослого человека, который пережил тяжелую болезнь.

Скосил глаза и неожиданно встретился взглядом с полной пожилой женщиной в стиральном белом

х л те и белой косынке, из-под которой выбив лись седые волосы. Ее гл з широко р сп хнулись:

— Ох! Ужель очнулся, милый?!

После ее слов все, кто был в п л те, вскочили н ноги и, подойдя к моей кров ти, с нескрыв емым интересом уст вились н меня. Их было четверо. Один из них был невысоким лысым дедом с хитрым прищуром и седой, клочков той бородой, другой — крепкого сложения пожилой мужчин с широким лицом, третий, полн я ему противоположность — худ я личность с ус ми, имевш я углов тые черты лиц и желтов тый оттенок кожи. Четвертый п циент имел чисто выбритую голову и, в отличие от ост льных, не имел ник ких следов р стительности, кроме бровей. В одном все четверо больных были схожи — одеты в к льсоны и белые руб хи н выпуск.

— Ты у н с кто будешь? — первым поинтересов лся дедок.

— Егорий, — хрипло ответил я и з к шлялся.

— Ой! Чей-то я стою! — вдруг воскликнул толстух . Оттолкнув здоровяк , з гор жив ющего ей путь, метнул сь к двери.

— З фелш ром побеж л , — прокомментиров л ее бегство дед, потом неожид нно спросил: — Ты из к кого скит , п рень?

Н зв ние скит , в котором когд -то жил Ив н, я зн л, но говорить пр вду не собир лся. Нез чем им зн ть обо мне больше, чем я собир лся р сск з ть, поэтому вместо ответ только н супился и промолч л. Н ступил минут неловкого молч ния, котор я был прерв н резко открывшейся дверью и появлением нового персон ж . В п л ту быстро вошел мужчин средних лет, имевший пенсне, ухоженные усы и бородку клинышком. Он один в один походил н вр ч ст рых времен, к ким его пок зыв ли в кино. Вот только его интеллигентное лицо портили мешки под

глаз мои. Добрые карики глаза смотрели с сочувствием и любопытством.

— Очнулись, юноша? Это очень хорошо. Как вы себя чувствуете? Слабость? Боль?

Я не ответил, вместо этого посмотрел на забинтованные руки, потом снова посмотрел на врача.

— Где я? — изобразил я только что очнувшегося человека.

— В больнице, молодой человек. Как вас зовут?

— Егорий, — снова я повторил свое имя.

— Егор, значит чит. Откуда ты? — После короткого молчания, когда доктор понял, что ответа не будет, он поменял тему: — Ну-с, молодой человек, дальше будем тебя осматривать.

Минут десять он меня крутил, нажимал тут там, тут, затем задавал вопросы, на которые я однозначно отвечал.

— Что я могу сказать? Могу тебя поразить, Егор, ты идешь наперекор. Организм твой молодой, спортивный, привлекательный, истощен сильно, но это дело поправимое.

В этот момент пришел медсестра и принесла лекарство — порошок и стакан с водой.

— Будете принимать это лекарство трижды в день, — строго сказал доктор и отошел в сторону.

Женщина поставила на деревянную тумбочку блюдечко с бумажными пакетиками, рядом стакан с водой. Развернул один из пакетиков и ловко сложил его вроде трубочки, затем поднес к моему рту. Я недоверчиво посмотрел на доктора, на что тот одобрительно кивнул головой.

— Давай, милый.

Я послушно открыл рот. Порошок отдал легкой горечью. Женщина взяла стакан воды и протянул мне.

— Пей, деточка.

С некоторым трудом сложил двоеперстие и перекрестил ст к н и только после этого взял его в руку. Сдел л я это в том тически, без внутреннего сопротивления, словно дел л т к всю свою созн тельную жизнь. Сестр приподнял мне голову, и я сдел л несколько глотков. Второй порошок проглотил по точно т кой же схеме, после чего женщин з бр л блюдечко и ст к н и вышел из п л ты. Вслед з ней ушел доктор. Мои соседи по п л те, стоило прийти вр чу, улеглись н свои кров ти и теперь только время от времени брос ли н меня взгляды.

Снов пришл сестр , пост вил ст к н воды мне н тумбочку, з тем долго объяснял больничные пр - вил .

— Все понятно?

— Все понял. Бл год рствую, добр я женщин .

Женщине понр вился мой ответ, это было видно по ее доброй улыбке, з тем он ушл , но скоро вернул съ с к кой-то к шей-р зм зней и кусочком хлеб . После того к к я поел, ушл оконч тельно. Только з -крыл съ з ней дверь, к к в меня снов вцепился дед с хитрыми гл з ми и сиво-пегой бородой, з крыв вшей половину лиц .

— Т к ты, мил человек, из к ких будешь? Из Ду-бининского скит , что ли?

— Не н до меня спр шив ть, добрый человек. Все мое пусть при мне и ост нется, Бог мне в этом судия.

— Д не получится уже у тебя т к, п рень. Р з в мир вышел, зн чит, уже не спрячешься, ст ло быть, открыт ты теперь для н род , — неожид нно прикрутил философию к своим слов м дедок.

— С чего ты, Лукич, решил, что он ст ровер? — спросил его крепкий мужчин .

— Т к видно же. К к по крестикун тельному, д двуперстию и по р зговору, — снисходительно ответил ему ст рик.